

Борис Ямпольский об Андрее Платонове

Архив

ПРИ ИНОМ раскладе он стал бы еврейским писателем. Но к тому времени, как родился, ни деда, ни бабки, говоривших на идиш, не было; еврейские, украинские, польские словечки проблескивали в потоке русской речи, звучащей в доме. Новое поколение стремилось к ассимиляции, связывая с ней равноправное будущее. — *Вы знаете язык?* — *Только акцент*. Русский писатель-еврей, Борис Ямпольский (1912—1972) боялся своего акцента и гордился им.

В малой мере Ямпольский разделял со своим временем политические иллюзии. Они развеялись после войны, когда Ямпольский с е п о н я л. Утерянные иллюзии образовали вакуум; вакуум заполнил-

ся страхом. В «Московской улице», которую сравнивают с «Процессом» Кафки, герой, обозначенный буквой К., парализован страхом по-советски.

Публикуемый текст Ямпольский написал для вечера памяти А. П. Платонова (1899—1951). Вечер состоялся в Большом зале ЦДЛ 31 января 1968 года. Председательствовал Юрий Нагибин; доклад сделал Юрий Карякин; выступили скульптор и литератор Федот Сучков, Лев Славин, Виктор Боков; речь отсутствовавшего Ямпольского, по его просьбе, прочитал Александр Межиров. Ямпольский объяснял просьбу тем, что болят зубы; а когда болят зубы, акцент усиливается.

Вечер вышел необычайно резким (к тому же на нем собирали подписи под письмом в защиту узников совести). Тон задал Ю. Карякин, сказавший по адресу жела-

ющих «реабилитировать» Сталина: «Черного кобеля не отмоешь добела». Присутствовавший, вспоминает Нагибин, «люди из МК, которые все записывали». Главные участники вечера подверглись репрессиям: Ю. Карякин наутро расстался с партийным и писательским билетами, причем секретарь МК Ю. Верченко обвинил его в «разглашении государственной тайны» — Карякин публично объявил (впервые), что на повести Платонова «Впрок» Сталин написал «Сволочь»; был исключен из партии Федот Сучков; Межиров и Ямпольский получили по выговору в партийную карточку; Нагибин (за то, что «никого не осадил») на два года попал в «черный список», ему возвратили принятые рукописи.

Когда грянул гром, Ямпольский сторяча упрекнул Межирова, что тот «подвел его», «не разобравшись

в обстановке», однако затем прислал письмо с извинениями за обидные и несправедливые слова. Этот момент слабости не бросает на Ямпольского тень. Борис Самойлович принадлежал к людям, о которых сказано И. Бродским: «смело входили в чужие столицы, но возвращались в страхе в свою». Его единственная награда от государства — медаль «Партизану Отечественной войны» I степени за личное мужество на оккупированной территории (военкор «Красной звезды», «Известий»).

Речь Ямпольского — не только о Платонове и его «плазме». Она продиктована жаждой постичь истину для блага нашей великой литературы, испытавшей такое тупое и гибельное давление, которое в страшном сне не снилось европейским художникам.

Владимир ПРИХОДЬКО

СВЯТАЯ, ЧИСТАЯ ИСПОВЕДЬ

Мысли после чтения одной статьи Андрея Платонова

Борис Ямпольский

Архив

ЧИТАЮ «Серую сову» — статью Андрея Платонова, напечатанную 1 декабря 1967 года в еженедельнике «Литературная Россия», и уже с первых фраз вхожу в знакомый коловодской мир: «Нагретая дубовая кора испускала запах сна, теплоты и забвения».

Велика и редка мудрость открытия науки, но оно, это открытие, рано или поздно, поздно или рано придет, неминуемо придет, не может не прийти, ибо это в существе, в природе вещей. И неделимый атом разлагается на ядро и электроны, и это должно и не может быть не открыто и окажется простым, как детский кубик. И пусть в иное столетие, иной Ньютон увидит падающее яблоко и откроет закон всемирного тяготения и иной Эйнштейн сформулирует теорию относительности, и все пойдет кувырком, открывая новую истину, чтобы в свою очередь пойти в тартарары от следующей неминуемой истины. А «Нагретая дубовая кора испускала запах сна, и теплоты, и забвения» — тоже объективная истина, тоже существует, живет в природе, но ее можно открыть и не открыть и к о г д а. Она родилась не от смекалки, а в свете мгновенной вспышки в сердце т о л ь к о о д н о г о человека из трех с половиной миллиардов, живущих на земле, и триллионов живших до них людей, обезьян, гидр, черепах, амёб, ушедших в землю на одуванчики, на крапиву, на хризантемы, на урановую руду. И этот о д н человек — поэт.

И страшно, убийственно, когда художник не осуществляет своих возможностей. Никто это за него не сделает во веки веков.

Ни Андрей Платонов, ни Михаил Булгаков, ни Михаил Зощенко не исчерпали до дна своих возможностей. И разве Пришвин написал все, что он м о г написать? Он, как громадный лось, укрылся в лесу и питался почками.

Я говорю только о писателях, умерших своей смертью.

Муки Андрея Платонова начались с того дня, когда на экземпляре «Красной Нови», где была напечатана ранняя его повесть «Впрок» — пророческое произведение, державной рукой было начертано грубое проклятие.

И многое из того, что было написано писателем, целую человеческую жизнь пролежало в груди запяленных, перевязанных толстой бечевкой бумаг и чудом уцелело в войну от пожара, от разграбления чужих, непрописанных жильцов и после от насильственного забвения.

Кстати, «Серая сова», о которой я говорил, — из сборника критических статей, которые Андрей Платонов писал и печатал в 30-е годы за подписью «Фома Человечков» и «Гуманкин». Собранные в книгу, они были набраны, сверстаны, напечатаны на ротационной машине, но книга на прилавках не появилась, в один из дней 1939 года тираж исчез неизвестно куда: книги пошли под нож или были вывезены за город и сожжены на костре. Остались только два сигнальных экземпляра. И вот спустя 30 лет книга выходит в издательстве «Советский писатель».

Андрей Платонов прошел с революционной страной всю ее историю, он никогда не был на обочине, в полосе отчуждения. В гражданскую войну юношей он, сын машиниста и сам машинист, вел на фронт маршруты с боеприпасами.

В первые годы мирной жизни он строил плотины и водоемы.

Виктор Борисович Шкловский в 1925 году облетал на агитсамолете Воронежскую губернию. Самолёт капотом сел в деревне Гнилые Пруды. Прудов не было. Здесь он впервые встретил молодого Андрея Платонова, мелиоратора, строящего пруды. Работали лопатами. По этому поводу Андрей Платонов заметил:

— В России самый дешевый мотор — девка, он не требует амортизации.

Это уже был будущий автор «Родины электричества».

Мало кто знает, что Андрей Платонов еще в 20-е годы был одним из первых изыскателей Волго-Донского канала. Мало кто знает, что инженер Андрей Платонов — военный изобретатель.

Последнюю Великую войну Андрей Платонов прошел военным

Борис Ямпольский.

корреспондентом центральных газет — «Красной звезды» и «Красного флота». Он не жил в домиках командующих фронтами и командующих армиями, он был в экипажах, батальонах, ротах с солдатами и ранеными.

И написанные где-то в Пинских болотах, в холодной крестьянской хате, с сорванной взрывной волной крышей, ночью, под вздохом коровы в сенах, военные корреспондентии-рассказы пронзительны по бездонному чувству любви и жалости к своей земле, к своему народу.

Никогда за всю свою жизнь Платонов не печатался так широко, свободно, волно и почетно в центральной прессе целыми полосами, как в это великое и жестокое время. Душа его тогда нужна была истекающему кровью народу.

Но только отстреляли пушки по фашистам, лихие литературные автоматчики стали стрелять по своим.

В эти послевоенные годы он был как бы в холодной душегубке, и, что бы он ни написал — рассказ, сказку, — все автоматически, словно сработало невидимое отрегулированное реле, немедленно подвергалось публичной казни, осмеянию. Да, впрочем, над чем мы только не смеялись! Над галстуками, над фокстротом, над джазом — музыкой толстых, над широкими брюками, над узкими брюками, над маникюром и педикюром, над теорией относительности, над Фрейдом и Корбюзье, над Хемингуэем и Пикассо, над эрзацами, которые есть современная химия, над генетикой, кибернетикой и телепатией, над роботами, над небоскребами, над шортами... Может, сегодня это нас чему-нибудь научит.

Уже лежа в матрачной могиле, заросший бородой и лицом напоминая Гаршина, Платонов читал в «Литературной газете», которую тогда редактировал румяный критик, певец Чехова и Достоевского, статьи, травившие его за рассказ «Семья Иванова». Я помню горькие, лишенные злости, а только как бы удивленные слова Платонова:

— В каждом номере: «паскудный рассказ», «клеветнический рассказ», «антисоветский рассказ».

И все это о святой, чистой исповеди измученного солдатского сердца.

Поразительно, что именно певец Чехова и Достоевского произнес последние обвинительные слова Маяковскому, а потом Платонову, а за ним и Василию Гроссману.

Увы, прошло много веков жизни, но чему они н а у ч и л и? Очевидно, время, эта бесконечность опыта, которое могло бы, казалось, стать конденсированной мудростью, время не обладает способностью кого-нибудь чему-нибудь научить разумному. Все повторяется. И глупость, и тупость, и жестокость. Куриная слепота при ярком солнце.

И новые литературные нелюди сменяют вчерашних нелюдей, травивших в свое время честных людей, тиранят и травят сегодняшних честных людей.

Иногда приходит шальная мысль: неужели они никогда не задумаются, хотя бы когда остаются одни, ночью, в подстанциях, ч т о люди говорят о них

сегодня, ч т о скажут о них завтра, не в далеком завтра, не на Марсе и Венере — и даже не в земном завтра в другом веке, а в ближайшем, самом ближайшем, до смешного наикратчайшем, может быть, даже завтра, просятся утром, получают «Правду» — а н всё по-другому.

Ну и что?

Они живут только сиюминутной, сиюсекундной жизнью.

Жизнь мотылька, которая тоже сиюминутна, сиюсекундна, длится одни сутки. А эти десятилетиями ходят в учителях и наставниках.

Но так же, как не было злости в последних словах Платонова, так и сегодня в наших сердцах нет злости и мести, желания кого-то покарать, а есть одна лишь святая мысль — постижение истины для блага нашей великой литературы.

Особенно тяжело пришлось Платонову в тот памятный год, когда французские булочки стали неожиданно называться городскими, а МХАТ дошел до «Зеленой улицы». В тот год его уже совсем перестали печатать.

Встала ли на защиту Андрея Платонова писательская организация? Нет, никогда.

Когда, после смерти Сталина, председатель комиссии по литературному наследству Платонова — Василий Семенович Гроссман заговорил с одним руководящим писателем об издании Платонова, тот выслушал, взглянул на него и как бы в шутку, но и всерьез сказал: «Василий Семенович, мы живем в такую эпоху, когда высший гуманизм выражается в заботе о самом себе, — рассмеялся и махнул рукой — какой уж там Платонов!»

Не сразу стал печататься Платонов и после 1956 года. Я помню, как тут же после XX съезда писатели отправили письмо об издании Платонова и встретили удивление. Люди одеревенели, окаменели в старых воззрениях.

Но как бы то ни было, первая книга была издана. Но один из самых сильных рассказов «Красный Лиман», или, как он после стал называться, «Бессмертие», удивительно передающий атмосферу высокого напряжения 30-х годов, до сих пор неизвестен. Рассказ не был включен ни в первый сборник, ни во все последующие. И знаете почему? Из-за одной реплики. Герой рассказа, начальник станции Красный Лиман Левин, отвечая по селектору на вопрос наркома, спал ли он, отвечает: «Нет, Лазарь Мойсеевич». Мало кто знает, что в рукописи было написано: «Нет, товарищ нарком», и лишь под нажимом появилась новая реплика. Кроме этой фразы об этом железном или там латунном наркome в рассказе ничего нет. Да и не могло быть. Потомственный железнодорожник Андрей Платонов знал цену этому пышному и жестокому фразеру, а потрясающий рассказ и до сих пор втуне. Смешно и нелепо.

Еще в 1960 году Василий Гроссман, показывая мне не печатавшийся четверть века рассказ «Джан», держа в руках пожелтевшие листки, сказал:

— Ведь это всесветная слава! «Джан» теперь наконец напечатан. Вышло несколько сборников Андрея Платонова. Правда, до сих пор еще не известны три его романа. Гослитиздат, который имеет

излюбленную отговорку, что печатает только классиков, за годы только раз издал небольшой том Платонова, и не видно, что это имя блистало в будущих плазах издательства.

Много в Москве и в других родах мемориальных досок красного, серого и белого мрамора с барельефами и без. Но нет до сих пор мемориала Андрея Платонова, нет и Бориса Пастернака, и Анны Ахматовой. Грустно это.

Великая очистительная сила последного времени вернула нам Бунина, Андрея Платонова, Бабеля, Булгакова, Ахматову, Заболоцкого, Цветаеву — имена, которые могут украсить любую великую литературу мира. Неминуемо вернется, нам и полный Зощенко, прид, время и Мандельштам, и Ходасевича. Они бессмертны. Но мы не бессмертны. Мы хотим присутствовать при этом.

Скоро 70 лет со дня рождения Андрея Платонова. Пора готовиться к изданию собрания сочинений классика советской литературы: романов, рассказов, пьес, никому не известных и до сих пор не увидевших сцены, и записные книжки, где столько каратов, что их хватило бы на украшение короны короля любой литературы мира.

Платонов победил. Волшебная фраза Платонова, удивительная своей концентрированной плотностью, словно выкованная под давлением высоких атмосфер фразы-позма, фразы-трактат, фразы-мир, она прошла сквозь годы, лихолетья, становясь все ближе зримее, понятнее современному человеку, и сейчас, как крутой брусок чистой платины, в котором отлиты все то великое и горькое, что мы пережили.

Мне кажется, что Платонов опередил современную прозу на 50 лет. Только сейчас в мире начинают писать, как он писал в 20 годы.

Не сразу он дошел до читателя. Помнится, первая тощая книжка, изданная в 1957 году, долго лежала на прилавках не раскупленная. Впрочем, так лежал и первый голубой томик Бунина. Я слышал, как человек, впервые увидевший его в киоске «Союзпечати», спросил: «Что это? Иван Бунин, облачный писатель?»

Но от читателя к читателю, библиотеки к библиотеке, от города к городу, как и Бунин, Платонов дошел до народа. Все больше русских людей открывают его для себя, поражаясь этим чудом. Постепенно привыкают к Платонову переводчики славянских народов — поляки, чехи, словаки, сербы, вслед за ними и итальянцы, французы, японцы. Не скоро, очевидно, коловодской афористичный язык найдет своих переводчиков, свой польский, японский, эфиопский эквивалент, как нашли в русском языке Фолкнер и Кафка.

Но недалек час, когда прозвучит Платонов, где каждая фраза, каждая улавливаемая и неуловимая плазма, излучая мощный свет, обожжет сердце читающего человека. В Техасе, и в Танзании, и на острове Пасхи.

А нам предстоит радость узнавания. Много удивительных произведений Андрея Платонова 30 лет спали смертью в длинных серых, исписанных карандашом гранках газетной бумаги, на которых любил писать Платонов своей темной и холодной комматюшке-кладовке на Тверском бульваре, 25, во дворе Герцена.

И сегодня вдруг непечатанно как звук органа, наполнило пространство, и эхо ушло в детство и будущее. А для меня как будто поставили зеркало, и я у в и д е его прекрасное измученное лицо, услышал глуховатый тихий голо иронически-мудрое удивление, всем глупостям и нелепостям жизни, над которым, превыше которого звучит глубокий голос старости платоновского машиниста, войтину слова самого Андрея Платонова:

«...Без меня народ неполный»

Примечания. За подписью Гуманкин. Псевдоним «Гуманкин» в публикациях Платонова нами обнаружен. **Румяный критик.** В.В. Ермаков. Упомянут в предсмертной записке Маяковского. Опубликовал статью «Клеветнический рассказ А. Платонова» («ЛГ», 4.1.1947). **Из-за одной реплики.** Имя Л. Кагановича, вступившего в оппозиции к Хрущеву, в печати не упоминалось. **Певца тощак книжка.** Сборник «Ибренные рассказы». Платонов вышел в 1958 году.

Публикация Владимира Приходько